

Бесолова Елена Бутусовна

ОБ ОДНОМ РИТУАЛЕ, СВЯЗАННОМ С МИФОМ ТВОРЕНИЯ

В статье проводится мысль о том, что миф о творении музыкального искусства в Нартовских сказаниях осетин - "осколок" ранней формы архаического мифа, сохранившегося до форм более поздних и перешедшего в героический эпос. Автор считает, что в Нартиаде осетин оказалась зашифрованной более ранняя, архаическая мифологема "пути достижения" загробного мира. Через высокую степень символизации языка мифопоэтического текста происходит приобщение к сакральным ценностям, участвующим в ритуале, связанном с мифом творения и образующим единую систему, которой они и подчинены.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 39; 398:221

В статье проводится мысль о том, что миф о творении музыкального искусства в Нартовских сказаниях осетин – «осколок» ранней формы архаического мифа, сохранившегося до форм более поздних и перешедшего в героический эпос. Автор считает, что в Нартиаде осетин оказалась зашифрованной более ранняя, архаическая мифологема «пути достижения» загробного мира. Через высокую степень символизации языка мифопоэтического текста происходит приобщение к сакральным ценностям, участвующим в ритуале, связанном с мифом творения и образующим единую систему, которой они и подчинены.

Ключевые слова и фразы: мифологическое мироощущение; миф творения; проводник; символизация связей; подземное жилище; собака-проводник.

Бесолова Елена Бутусовна, д. филол. н., с.н.с.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (филиал)
Владикавказского научного центра Российской академии наук
elenabesolova@mail.ru*

ОБ ОДНОМ РИТУАЛЕ, СВЯЗАННОМ С МИФОМ ТВОРЕНИЯ

Специфические черты духовной и материальной культуры каждого этноса восходят, как известно, к древнейшим истокам и традициям, к эпохе мифотворчества, когда символизация связей человека с природными и социальными реалиями, от которых зависела жизнь, мотивировалась образно присутствовавшими в его мировоззрении элементами культуры, а их осознание являлось наиболее ранней формой упорядочения мира.

Это было Время древней формы общественного сознания и особого вида мироощущения, давшего метафоричность мифологическому мышлению. Первобытное мировосприятие ещё не знало отвлечённых понятий, ему была свойственна очень условная система пониманий объективной действительности, хотя уже тогда и в то же время человек отождествлял вещь и процесс, вещь и её свойство [11, с. 19-21].

Известно, что в сказаниях «эпическое» время очень отдалено от сакрально-мифического, от особой эпохи первотворения, первопорядков и перводействий: «Всё происходившее в мифическом времени приобретает значение парадигмы <...>, рассматривается как прецедент, служащий образцом для воспроизведения уже в силу того, что данный прецедент имел место в “первоначальные времена”» [7, с. 13].

Особенность мифа состоит в том, что человек, «растворяя» себя в природе, сливается с нею и овладевает её силами лишь в воображении, испытывая постоянный страх перед лицом того или иного действия, исходящего от него самого или же влияющего на него извне. Это своеобразие становилось источником описательного выражения предметов, действий или качеств, табуированных по определённым причинам, и персонализации тех предметов и явлений, которые были недоступны его сознанию. Человеческое мышление на наиболее ранних этапах его существования, как не раз писалось, отождествляет всё живое и неживое, придаёт значение аналогии и оперирует магическими образами и символами [Там же].

Что касается осетинской мифологии, то даже тот немногочисленный материал, которым сейчас располагают, даёт возможность реконструкции и понимания комплекса мифологических представлений как системы.

Для выявления первичных структур сознания в соответствии с той формой мировосприятия, которая по ряду параметров оказалась близкой к поэтическому мировосприятию, наблюдавшемуся в народном творчестве, мы проанализировали миф о создании *фандыра* – двенадцатиструнной арфы осетин [3, с. 39-44]. Основанием для подобного рассмотрения послужило наличие большого количества неосознанных, эмоционально-волевых элементов, типичных для мифопоэтического восприятия.

Основы нартовского эпоса осетин – мифологическая и космологическая – восходят, как минимум, к скифо-сарматской эпохе, что даёт возможность обратиться к нему как к источнику древнейших мифологических представлений и концепций относительно места живого и умершего человека в реальном и мифологическом мире, о способах и путях достижения загробного мира.

Долгому и трудному путешествию солнечного героя-шамана Сослана в Царство теней посвящено немало работ. Выдающийся ученый В. И. Абаев считает, что этот «интереснейший эпизод Сослановского цикла» – один «из древнейших эпических сюжетов, какие вообще засвидетельствованы в памятниках мировой литературы» [2, с. 177].

Но при более внимательном ознакомлении с эпосом выяснилось, что, до появления *поздних шаманских* представлений о потустороннем мире, запечатлённых в сказании о путешествии Сослана в Страну мёртвых, в «Нартиаде» осетин оказалась зашифрованной *более ранняя, архаическая мифологема «пути достижения» загробного мира* [8; 9].

Согласно сюжету, *первым путешествие в загробный мир совершил отец Батраза, Хамыца*, который принял участие в ритуале, связанном с мифом творения. Поясним.

Фабула отрывка из текста сказания такова.

*Сырдон в голодный год похитил и зарезал упитанную корову Хамыца. Вывел Сырдон корову Хамыца и погнал её, но не в тот свой дом, который все знали, а в другой, **потайной**, о котором никто не знал. Под мостом находился **потайной дом, подземное жилище Сырдона**, и вся семья его жила в нём... Привёл он корову Хамыца в свой потайной дом, зарезал её...*

Хамыц стал думать над тем, как ему найти жилище Сырдона. Пошёл к кэуылыбадаг ус (ведунья, вещей женщине) узнать о подземном жилище Сырдона. Та посоветовала подстеречь и поймать собаку-самку Сырдона, которая бродила по улицам нартовского села. Хамыц, увидев её, позвал и приласкал, потом заманил к себе домой. Взял клубок сучёной пряжи (вариант: туго скрученную шерстяную нитку), конец привязал к ноге самки. Огрел собаку по спине, та бросилась бежать, а пряжа за ней тянется, с клубка разматывается. Сам же пошёл за нею следом. Собака видит его, мечется то туда, то сюда, не хочет выдавать своего хозяина. Стал Хамыц избивать её, избил до полусмерти, и тогда дальше побежала собака. И скрылась она под мостом в потайном доме Сырдона.

Шедший по следу пряжи Хамыц тоже очутился в жилище Сырдона. Огляделся: в доме на огне – котёл. Заглянул в него, а там варится мясо его коровы [8, с. 205-207]...

По мнению С. М. Толстой, в принципе любой признак предмета, любое его свойство, атрибут, предикат и т.п. могут стать основой его символизации [10, с. 71]. В анализируемом отрывке из текста сказания речь идёт о предметах, служащих орудием или объектом определённых действий, что даёт основание принципом символизации считать «наделение предмета символическим значением по совершаемому им (или с его помощью) действию, которое начинает соотноситься с другими исполнителями, объектами или обстоятельствами» [Там же, с. 71-72].

Итак, ...Под мостом находился потайной дом, подземное жилище Сырдона...

Подземный мир в нартовском эпосе осетин состоит из трёх уровней. Первый – подводный, с владыкой Донбеттыром и его многочисленным родом; второй уровень – подземный, населёемый карликовыми существами рода Быцента, необыкновенно ловкими и сильными, обладающими несметными богатствами, с которыми рад породниться любой из Нартов; третий – собственно загробный мир с душами усопших во главе с Барастыром, стражем царства мёртвых – Аминоном. В эпосе наблюдаются перемещения героев из одного мира в другой при условии некоторой трансформации; к примеру, Сырдон в подземном потустороннем мире принимает облик то старухи, то шапки или какой-нибудь вещи, или клубка ниток.

Сырдон мог превращаться в бога-рыбу, что не проявляется в текстах сказаний, но подспудно скрывается в его поступках: в его свойстве появляться исчезать когда и где угодно, в его связи с подземным миром. О его связи с потусторонним миром, средствах передвижения при перемещениях и о даре перевоплощения достаточно интересно рассказывается в работах Ж. Дюмезиля [4, с. 129].

Сырдон, знавший ритуал смерти-возрождения, обладал особым могуществом. В архаической форме герой имел две ипостаси в Нартовском эпосе – оборотня и колдуна.

Жилище Сырдона – подземный дом-лабиринт – ритуально нечисто; оно входит в парадигму преисподней. В нём, как в хтоническом мире, царит мрак, и вошедший в него с востока, где был вход, попадал в царство запада, смерти.

Лабиринт семантически связывается с подземным миром и небом. Выход из него сложен и требует осмысления. Спиралевидные дорожки выступают как средство очищения, пройдя через которые герой приобретает возможность выхода из лабиринта, обретая после катарсиса силы для дальнейших испытаний.

Но лабиринт есть также путешествие от смерти к рождению. Ритуальное его значение – место посвящения (инициации: мы наблюдаем процесс перехода Сырдона из подземного состояния в земное). Главная функция, по М. Элиаде, – охрана центра. Лабиринт охраняется Сырдоном-жрецом, живущем в самом его центре; наш герой-демиург – владыка и судьба лабиринта-храма, связующего звена между возвышенным (Небо) и низменным (Земля).

Центр, середина индоевропейцами в древности считалась символом сверхъестественной силы, бессмертия, да и понятие бога соотносилось с этим понятием. Образ спирали (изображение путешествия души по лабиринтам загробного мира) также связан с символикой лабиринта. Символы середины, центра, первого человека, бессмертия, выхода из лабиринта связываются именно с понятием андрогинизма.

Путь в лабиринт обозначен «маркерами». Каждый из маркеров обладает собственной символикой: отправной маркер – материальной символикой (нычас), а конечный – лабиринт – понимается как приобщение к сакральным ценностям [6, с. 418].

Мост, под которым находилось жилище Сырдона, в мифопоэтическом мышлении символизирует связь, соединение двух точек сакрального пространства; он связывает между собой мир живых и загробный мир, переход из одного состояния в другое, более высокое [Там же, с. 321].

Ведунья посоветовала Хамыцу привязать к ноге самки шерстяную нить (в варианте: сучёную пряжу), чтобы найти подземное жилище Сырдона.

Нить (пряжа), как и волос, – один из самых древних символов и обозначает, опять-таки, связь верхнего и нижнего миров.

Узел на ноге собаки понимается как символ зародыша, который распускается из своего божественного первоначала, т.е. музыки жизни через восстановление духовной конституции бога.

Клубок шерстяных ниток – сакральный и могущественный сказочный герой; он означает множество возможностей, в мифопоэтическом мышлении исполняет роль проводника в нижний мир: его обязательно нужно взять с собою, отправляясь путешествовать в таинственное и опасное место.

В цикле сказаний эпоса о Сырдоне, как видим, появляется мотив «Нити Ариадны». На наш взгляд, он более древний, чем в греческой мифологии, в подтверждение приведём мнение В. И. Абаева, который

писал, что образ Сырдона «связан с древнейшей частью эпоса... однако, с течением времени, мифологические черты в его образе оказались совершенно заслонёнными массой бытовых мотивов» [1, с. 72].

Он *древен* ещё и потому, что по разматыванию клубка нити ищется *не выход, а вход в подземный дом, в лабиринт*.

У Сырдона – собака-сука, такая же хитрая, неуловимая, как и её хозяин...

В подземном жилище Сырдона обитала и собака-самка. «Целому селению нартов стало невмощу от суки Сырдона: нет такого дома в селении нартов, откуда бы она не утащила фахсин (*задняя часть барана, закопчённая целиком*), у кого бы она не съела хандыг (*рассольный сыр*) или яйцо из-под наседки, кому бы она не причинила ущерба» [8, с. 208].

Собака ассоциируется в мифопоэтическом сознании с землёй, водой, луной; являясь символом смерти и загробного мира, выполняет функцию *проводника* души в загробный мир, функцию, по Апулею, «посланника, снующего туда-сюда между высшими и подземными силами» [6, с. 171]. Отношение собаки к воде свидетельствует также о её связи с ритуалом смерти-возрождения. Заметим, что для нас важным является то обстоятельство, что собака-сука – это символ *жреческого ремесла*: ведь появление угловой двенадцатиструнной *фандыра-арфы* Нартов, имеющей форму треугольника (т.е. космической фигуры, возникшей из Хаоса и являющейся символом «жизни – смерти – новой жизни»), народ связал с образом Сырдона – божества-андрогина, знавшего ритуал смерти-возрождения и обладавшего особым могуществом. Получается, что Сырдон – *первый создатель осетинской музыки*, символизирующей порядок и гармонию творения, первопричиной которого был Звук. Проявлением звука является голос. Извлечённая из десницы сына песня-плач Сырдона связана с клочкотанием варящейся плоти в котле. Символически это и есть ритуал рождения музыки жизни, голоса жизни через смерть.

Арфа (как струнный инструмент) производила музыку жизни, вызывавшую наращение плоти, натяжение жил и суставов, восстановление всей духовной конституции бога (за счет жил). Сырдон достиг определённой степени осознания своей принадлежности к нартовской общности, которой ещё не был принят, но уже уяснил для себя смысл этой интеграции, её движущие силы. *Первотворение* Звука оказалось для него спасительным актом: «Плач Сырдона и его игра на арфе потрясли даже суровых Нартов. Они простили ему все его прошлые деяния и приняли в свою среду как равноправного» [1, с. 72].

Таким образом, мы рассмотрели мотив *первотворения музыкального искусства* в сказании *о появлении фандыра-арфы*, подтверждающий тезис: каждое ремесло, как и положено, должно иметь своего *первооткрывателя*.

Через высокую степень символизации языка мифопоэтического текста происходит приобщение к сакральным ценностям; мост, лабиринт, клубок ниток, собака-самка и мн. др. участвуют в ритуале, связанном с мифом творения, и образуют единую систему, которой они и подчинены.

Список литературы

1. **Абаев В. И.** Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау: Осетинское государственное издательство, 1945. Т. X. Вып. I. 120 с.
2. **Абаев В. И.** Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.
3. **Бесолова Е. Б.** О форме мировосприятия Нартов (на материале сказания «Гибель семьи Сырдона») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 39-44.
4. **Дюмезиль Ж.** Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1977. 276 с.
5. **Дюмезиль Ж.** Скифы и нарты. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 229 с.
6. **Королев К.** Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 528 с.
7. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. I. 671 с.
8. **Нарты:** осетинский героический эпос: в 3-х кн. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. Кн. 2. 492 с.
9. **Нарты:** эпос осетинского народа. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 416 с.
10. **Толстая С. М.** Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.
11. **Фрейденберг О. М.** Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.

ON ONE RITUAL CONNECTED WITH CREATION MYTH

Besolova Elena Butusovna, Doctor in Philology, Associate Professor
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (Branch)
of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
elenabesolova@mail.ru

The article presents an idea that a myth about the creation of musical art in the Nart legends of the Ossetians is a “splinter” of the early form of the archaic myth having kept until later forms and transformed into a heroic epos. The author thinks that an earlier, archaic mythologeme of “pathway” to the afterworld turned out to be coded in the Nart legends of the Ossetians. Familiarization with sacred values taking part in a ritual connected with the creation myth and forming a single system, which they are subject to, occurs through the high level of the symbolization of the myth-poetic text language.

Key words and phrases: mythological attitude to the world; creation myth; conductor; symbolization of connections; underground shelter; guide dog.